М. ЭССЕН

Встречи с ЛЕНИНЫМ

М. ЭССЕН

Встречи с ЛЕНИНЫМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1971

3К26.3
Э86

С ВЛАДИМИРОМ ИЛЬИЧЕМ ЛЕНИНЫМ я встретилась впервые в 1902 году в Женеве.

В далекую Якутию, где я до того отбывала ссылку, стали приходить номера газеты «Искра», всколыхнувшие всю нашу жизнь. В «Искре» развертывался грандиозный план создания подлинно революционной рабочей социалистической партии. В «Искре» велась борьба за революционный марксизм, против оппортунистов, искажавших и вульгаризировавших основы научного марксизма. Каждый номер «Искры» с жадностью перечитывался и горячо обсуждался. Марксисты понимали, что «Искра» становится живой организующей силой, что она положит конец кустарничеству, шатаниям, брожению и разброду и создаст единую сплоченную могучую партию.

1*

Всем захотелось немедленно включиться в одну из искровских организаций, стать одним из звеньев ее. Сидеть годы в ссылке, пассивно выжидать ее конца стало невыносимо. Мы заговорили о побегах, заторопились в путь. Мне удалось бежать из ссылки, и после ряда мытарств я очутилась в Женеве.

С Владимиром Ильичем я виделась тогда много раз, и беседы с ним помогли разобраться во всем плане работы «Искры», выяснить детально ее задачи и цели. Основная задача, которую ставил Ленин перед нами, профессиональными революционерами, заключалась в создании на местах искровских организаций, завязывании прочных связей с рабочими, организации на предприятиях — заводах, фабриках — своей искровской ячейки. Ленин много говорил о том, что надо привлекать рабочих к непосредственной революционной руководящей работе, что их надо обязательно вводить в комитеты. «У нас должны быть свои Бебели»,— говорил Ленин.

Ленин считал неправильной практику некоторых комитетов замыкать работу в ограниченные рамки пропагандистских кружков. Он говорил, что настало время придать рабочему движению более широкий размах, что политические забастовки, демонстрации организуют массы, и мы должны приучить рабочих к открытым выступлениям.

Лозунг открытых выступлений, выдвинутый Лениным, был воспринят и с 1902 года все более широко осуществлялся в крупных промышленных центрах. Первомайские демонстрации стали устраиваться на центральных улицах больших городов, рабочие выходили на улицу с красными знаменами, революционными песнями и лозунгами, получали боевое крещение при стычках с полицией и жандармерией, учились открыто отстаивать свои требования. Наряду с пропагандистской работой широко развертывалась агитационная работа. Выпускались воззвания и листовки, устраивались митинги, появлялись свои ораторы.

Беседы с Лениным, его исключительно внимательное отношение к членам партии, его умение всесторонне исчерпать весь круг вопросов, связанных как с теорией марксизма, так и практикой революционной борьбы, крепко нас вооружили. Эти беседы для нас, рядовых членов партии, были настоящей марксистской школой. Все это мы как будто знали и раньше — что надо сочетать революционную теорию с революционной практикой,— но в общении с Лениным это положение наполнилось живым содержанием, стало ближе, понятнее. Влившись в ряды искровских организаций, мы почувствовали себя по-настоящему спаянными членами одной партии, глубоко осознали значение преемственности в работе,

правильной расстановки сил, поняли, как надо строить партию, как организовать борьбу.

Ленина в этот период я встречала почти исключительно на небольших собраниях. Я не слышала его тогда ни разу как оратора, мало еще была знакома с его теоретическими работами, и все же он с первой же встречи произвел впечатление настоящего вождя, человека огромного ума, знаний и воли и замечательного товарища, с которым сразу чувствуешь себя просто и непринужденно.

Задачи, поставленные перед нами Лениным, заключались в основном в следующем: 1) создать, усилить и укрепить в крупных промышленных центрах искровские комитеты; 2) вовлечь передовых рабочих в руководящие партийные органы; 3) внедрять в сознание рабочих принципы революционного научного марксизма; 4) развернуть и усилить борьбу со всякого рода оппортунистическими направлениями: «легальным марксизмом», «экономизмом» и другими мелкобуржуазными течениями; 5) вести агитацию среди рабочих масс о необходимости открытых выступлений, демонстраций, забастовок и других форм революционной борьбы с самодержавием и господствующими классами; 6) готовить II съезд партии.

По всем идеологическим, программным и организационным вопросам Ленин вы-

ступал перед нами с обстоятельными и краткими докладами, неизменно переходившими в оживленную беседу. Он не любил молчаливых слушателей и умел как никто оживлять аудиторию. Поблескивая своими умными, пытливыми и насмешливыми глазами, Владимир Ильич метко брошенным острым словцом, дельным замечанием, наводящим вопросом вовлекал в обсуждение доклада, принимая сам в нем активное участие. И товарищи лезли из кожи, чтобы переспорить друг друга, доказать свою правоту. Было так оживленно, так весело и интересно на этих занятиях, что никому не хотелось уходить, у всякого возникали новые мысли, новые аргументы. «Да,— говорили товарищи,— на таких занятиях не соскучишься, не задремлешь». И мы сами старались усвоить и запомнить этот метод Ленина вести живые и активные занятия.

Втягивая нас в споры, Ленин имел возможность определить не только степень нашей подготовленности, но и характерные особенности каждого, что учитывалось им при отправке на ту или иную работу. Когда решался вопрос об отъезде в Россию, Ленин беседовал с каждым из нас отдельно, учитывая желание и настроение товарища, не насилуя его воли. Он говорил обычно: «Подумайте, какая работа вас больше привлекает, в которой вы чувствуете себя более уверенным и куда бы вы хотели по-

ехать. Работы непочатый край, и люди везде нужны».

Я до того работала в Саратове, Одессе, Киеве, на Урале, и меня тянуло в Питер. Ленин догадывался об этом и предложил мне поехать именно в Петербург и заняться постановкой там пропагандистской работы. Я с радостью согласилась и с конца 1902 года до мая 1903 года работала в Петербурге в искровском комитете. Затем меня арестовали на собрании, обсуждавшем вопрос о первомайской демонстрации, и я была освобождена уже после II съезда РСДРП.

Выйдя из тюрьмы, я поехала в Киев, где находились избранные II съездом партии члены ЦК (Кржижановский, Ленгник и Носков), чтобы ознакомиться с материалами съезда и получить направление на работу. Работа развертывалась огромная, и ЦК кооптировал в члены ЦК Красина, Гусарова, Землячку и меня. Мне поручили объезд комитетов с докладом о решениях съезда и о разногласиях, приведших к разрыву.

Меньшевики повели борьбу против решений съезда и тоже объезжали комитеты, выступая с докладами. В своих докладах они извращали события, критиковали неугодные им решения съезда, жаловались на то, что «обидели стариков» — не выбрали в ЦО Аксельрода и Засулич. Выступления меньшевиков успеха не имели, почти всюду они встречали довольно друж-

ный отпор. Для большинства социал-демократов в России было ясно, что если съезд решил, что целесообразнее иметь в составе редакции не шестерых, а трех человек, то этому нужно подчиниться. По вопросу о тактических и организационных разногласиях, о которых меньшевики умалчивали, комитеты признавали правильной линию большевиков, линию Ленина. Нам удалось собрать резолюции 20 комитетов, одобряющих решения съезда и признающих ЦК; только 5 комитетов поддержали линию меньшевиков.

По окончании объезда комитетов было решено, что я поеду в Женеву информировать Ленина, как партийные организации приняли решение II съезда.

Сообщение о твердом настроении партийных организаций в России Ленин встретил радостно. Это было уже после его выхода из редакции «Искры». Борьба с меньшевиками разгорелась вовсю, и Ленин поставил вопрос о необходимости создания печатного органа большевиков и подготовки III съезда партии.

Авторский кризис у нас был значителен. Владимир Ильич перебирал имена товарищей, которые могли бы подойти для литературной работы. Кандидатуры Богданова и Луначарского ставились им на первый план. В редакцию «Вперед» вошли также товарищи Ольминский и Воровский.

Я была послана в Париж с поручением от ЦК найти Богданова, Луначарского и Ольминского, живших тогда в Париже, и сговориться с ними относительно времени их приезда в Женеву для встречи с Лениным.

Помню, перед отъездом я спросила Владимира Ильича:

— А что мне посмотреть в Париже?

— Прежде всего пойдите к Стене коммунаров на кладбище Пер-Лашез, в музей революции 1789 года и в музей восковых фигур Гравена. В смысле художественного выполнения музей, говорят, немногого стоит, но по содержанию интересен.

— А еще?

— Обязательно сходите в Зоологический сад, у вас будет такое ощущение, точно вы совершили кругосветное путешествие.

И, заметив, что я жду еще чего-то, добавил:

— Ну, насчет музеев, выставок и всего прочего обратитесь к Жоржу (Плеханов), он все это здорово знает и даст вам все нужные указания.

Мысль Владимира Ильича часто обращалась к Плеханову. Но Плеханов в это время занял такую позицию, что подступиться к нему было невозможно. Характерен для его тогдашних настроений такой эпизод. Первого мая 1904 года мы решили выступить единым фронтом перед лицом

международного пролетариата. Решено было большевикам и меньшевикам издать совместно один листок. Проекты листков написали Владимир Ильич и Мартов. В конечном счете был принят листок Ленина [1], и я для согласования была послана с этим листком к Плеханову.

Плеханов принял меня довольно благосклонно, но не скрывал своего превосходства. Помню его фразу: «Ну что же, прекрасно, худой мир лучше доброй ссоры». Но от тона добродушного благожелательства он отошел весьма быстро и начал разносить ЦК: «Ну какой это ЦК, мыши не раздавит».

Я возражала, подчеркивая, что при поддержке опытных товарищей за границей можно надеяться наладить партийную работу. Рассказала ему о настроении партийных организаций в России, о резолюциях, принятых почти повсеместно. Он меня слушал более чем холодно и недоверчиво. Я ссылалась на то, что партия, руководимая таким товарищем, как Ленин, прекрасным организатором и блестящим теоретиком, обеспечивает нам правильное руководство, и притом партия уже не в пеленках и умеет сама разбираться в вопросах партийного строительства.

Я говорила спокойно и осторожно, ибо имела задание Ленина не раздражать Пле-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 181—184.— *Ред.*

2*

ханова, а постараться заинтересовать его нашей работой. Но Плеханов пришел в ярость. Больше всего его возмутило, что партия считает Ленина блестящим теоретиком.

Конечно, мои дипломатические способности были довольно слабы, да никакой дипломатии и не нужно было. Плеханов, привыкший считать себя центральной фигурой в партии, не допускал и мысли о том, что кто-то может стать рядом с ним или иметь свое мнение.

Владимир Ильич расспрашивал меня подробно, заставляя повторять, что сказал Плеханов.

Сравнивая эти две фигуры, такие крупные, яркие, одаренные, всегда видишь разницу характеров. Ничто личное, мелкое не доходило до Ленина. Он любил и ценил Плеханова и неизменно возвращался к мысли о том, что его нужно сохранить для партии. А Плеханов? Он точно боялся «соперничества», никого не признавал рядом с собой. С ним нельзя было говорить как с равным.

Плеханов как-то жаловался, что его одолевают умники, которые приходят к нему и нудно, тягуче, длинно излагают свои теории, от которых веет затхлым чеховским провинциализмом. Это зло, но верно, и виноват в этом был сам Плеханов. Конечно, товарищи тянулись к нему, но их встречал такой холодный прием, такое под-

черкнутое превосходство, что и неглупый человек терялся, начинал лепетать всякие несуразности, чтобы показать, что и он не чужд разных теорий.

Один товарищ рассказывал, что, приехав в Женеву, он отправился к Плеханову. Тот встретил его снисходительно-любезно и задал вопрос, как к нему (к Плеханову) относятся в России. «Товарищи считают вас оппортунистом»,— выпалил приезжий. Плеханов рассвирепел: «Скажите вашим товарищам, что, когда их папеньки ухаживали за их маменьками, Плеханов уже был ортодоксальным марксистом». Это не анекдот.

Хотел ли Плеханов отпугивать людей? Конечно, нет. Но своей манерой держаться он ставил грань между собой и другими членами партии. Он как бы говорил: «Я — автор «Монистического взгляда на историю» и целого ряда ученых трудов и монографий, а вы — просто ученики и слушатели». И когда Плеханов чувствовал, что ему благоговейно внимают, он становился изумительно милым, доступным, блестящим собеседником. Несколько раз мне пришлось видеть его именно в такой обстановке, и трудно передать, до чего он бывал тогда блестящ, остроумен и ярко интересен. У Плеханова была манера говорить в небольшом кружке так, как он говорил бы на большом собрании. Всю свою эрудицию, исключительную начитанность, широту

энциклопедиста, юмор, ораторское искусство — все он вкладывал в свою речь. Начитанность Плеханова поражала. Особенно хорошо он знал XVIII и XIX века. Энциклопедисты были им изучены полностью, и ум его находил больше всего пищи и удовлетворения в изучении философов и мыслителей того времени. И сам он, со своими вкусами, энциклопедичностью, был бы блестящей фигурой именно той эпохи.

Не то Ленин. Весь ушедший с головой в организацию рабочего класса, поставивший целью своей жизни создать партию, которая действительно могла бы повести пролетариат к победе над самодержавием и капитализмом, он по камешку сколачивал эту партию. Тысячами нитей Ленин был связан с партией, с рабочим классом. У него подход к людям был совсем иной, чем у Плеханова. Он, как хороший хозяин, подбирал все, что годилось для стройки. Иногда поражало, до чего Ленин был внимателен и терпелив с каждым товарищем.

С Лениным никто не старался казаться умным, говорить о высоких материях, становиться на носки. Он видел человека насквозь, и каждый чувствовал, что с Ильичем надо говорить только просто, щеголять не нужно.

Сколько раз мне приходилось присутствовать при его беседах с товарищами, и меня всегда поражало, с каким доверием и вниманием он всех слушал. Это был такт

большого человека: ободрить работника, поднять в нем веру в свои силы, зажечь бодростью и энергией. Не в этом ли исключительный успех и влияние Ленина, что он умел, как никто, воодушевить волей к работе, и человек, соприкоснувшись с ним, трудился с удесятеренной энергией. Каждый чувствовал, что у него точно крылья выросли.

Никакого оратора не слушали так, как Ленина. Впервые я увидела его на трибуне в 1904 году в Женеве, когда он делал доклад о Парижской коммуне. Ленин на трибуне весь преображался. Какой-то весь ладный, подобранный, точно сделанный из одного куска. Вся сила сосредоточена в голосе, в сверкающих глазах, в чеканной стальной фразе.

Мне приводилось тогда слышать очень крупных ораторов, которые говорят точно для того, чтобы поразить слушателей, блеснуть яркой фразой, остроумной шуткой, умеют использовать силу и гибкость голоса, плавный жест, красивую позу. Таковы были Плеханов, Жорес, Вандервельде, считавшиеся мировыми ораторами. В их выступлениях было много эффектного, но мне никогда не удавалось отрешиться от впечатления какой-то искусственности их речей.

Не то Ленин. Непередаваема сила его речей. В них нет как будто никакого внешнего блеска, они просты и ясны, но, слушая

Ленина, забываешь обо всем. Он овладевает слушателем всецело. И тут разница между Лениным и Плехановым разительна.

Плеханов любил красиво отточенные фразы. Он знал цену своему таланту, знал, когда повысить и понизить голос, умел вовремя блеснуть остроумием, поднять утомленное внимание аудитории кстати рассказанным анекдотом. Но его слушали спокойно, он волновал в меру.

У Ленина нет этого внешнего блеска, он не оттачивает фразы, но тем не менее именно его слушают, затаив дыхание, слушают так, точно он раскрывает твои самые сокровенные мысли, заветные мечты. Другие ораторы восхищают, но слушаешь их точно со стороны,— Ленин зовет к действию. Его речи зажигают энтузиазмом и желанием действовать. Речи Ленина нельзя забыть: все чувствуют, что он сказал самое важное и нужное.

Ленин говорил о Коммуне, и мы ощутили ее могучее дыхание, ее пафос, ее трагедию, ее мировое значение. Парижская коммуна встала перед нами, как сверкающая заря новой жизни, как первый опыт рабочих взять власть в свои руки. Мы мысленно видели осажденный Париж, трусость и предательство господствующих классов, продажное правительство, сбежавшее в Версаль и предавшее родину, мы увидели героический рабочий класс, взявший на себя защиту отечества и задачу

построения государства на новых началах. Ленин показал все трудности выполнения этих задач, вскрыл все противоречия, ошибки Коммуны, рассказал о ее гибели.

Я до сих пор помню и эту речь, и тот энтузиазм, какой она вызвала. Из всей речи Ленина, такой вдохновенной и огненной, стало ясно, что Парижская коммуна — не только героический эпизод истории, показывающий силу и мощь рабочего класса, но и вдохновляющий пример для нас.

С собрания возвращались небольшой компанией, все были радостно возбуждены. Я спросила Ленина:

— Неужели мы доживем до того времени, когда Коммуна снова встанет в порядок дня?

Ленин встрепенулся:

— А вы сделали такой вывод из моего доклада?! — спросил он.

— Да, и не одна я, а все, кто слушал вас сегодня.

Слушать Ленина на собраниях, видеть его за работой, углубленного в книги, или за разрешением политических вопросов, слушать его планы поражения противников, его уничтожающие характеристики — все это давало яркую картину его многогранности. Но тот не знает Ленина, кто не видел его и в обычной домашней обстановке.

Я не встречала более жизнерадостных людей, чем Ленин. Его способность

смеяться всякой шутке, умение использовать свободный час и находить повод для веселья и радости были неисчерпаемы.

Вспоминаются вечера, которые мы проводили у Ленина. Владимир Ильич обладал довольно приятным, несколько глуховатым голосом и очень любил попеть в хоре и послушать пение. Репертуар наш был довольно разнообразен. Начинали обычно с революционных песен — «Интернационала», «Марсельезы», «Варшавянки» и других. С большим чувством пели «Замучен тяжелой неволей», «На старом кургане в широкой степи». Нравились Владимиру Ильичу песни Сибири — «Ревела буря», «Славное море, священный Байкал» — и песнь о Степане Разине — «Есть на Волге утес». Особенно отчетливо пелся куплет:

Но зато, если есть на Руси хоть один,
Кто с корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
Кто свободу, как мать дорогую, любил
И во имя ее подвизался,
Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет
И к нему чутким ухом приляжет:
И утес-великан все, что думал Степан,
Все тому смельчаку перескажет...

Очень нравился Владимиру Ильичу куплет, дописанный М. С. Ольминским к «Дубинушке»:

Новых песен я жду для родной стороны,
Но без горестных слез, без рыданий,
Чтоб они, пролетарского гнева полны,
Зазвучали призывом к восстанью.

Утомившись и перепев любимые революционные песни, приступали к слушанию сольных номеров. Замечательно пел С. И. Гусев. У него был сочный голос, и пел он, не жалея сил. Ленин слушал с огромным удовольствием и романсы Чайковского «Ночь», «Средь шумного бала», «Мы сидели с тобой у заснувшей реки», и песнь Даргомыжского «Нас венчали не в церкви», и арии тореадора из «Кармен». Каким отдыхом, каким удовольствием для Владимира Ильича были наши песни! Под конец пела я тягучие волжские песни и разные частушки. Иногда и в пляс пускались.

Надежда Константиновна, вспоминая впоследствии об этих вечерах, шутливо писала: «Зверь[1], вырвавшаяся из ссылки, на волю, была полна веселой энергии, которой она заражала всех окружающих. Никаких сомнений, никакой нерешительности в ней не было и следа. Она дразнила всякого, кто вешал нос на квинту, кто вздыхал по поводу раскола. Заграничные дрязги как-то не задевали ее. В это время мы придумали устраивать у себя в Сешероне[2] раз в неделю «журфиксы», для сближения большевиков. На этих «журфиксах», од-

[1] Зверь — партийная кличка М. М. Эссен.— *Ред.*

[2] Séchéron (Сешерон) — рабочий поселок в Женеве, где поселились В. И. Ленин и Н. К. Крупская в апреле 1903 года после переезда из Лондона.— *М. Э.*

нако, настоящих разговоров не выходило, зато очень разгоняли они навеянную всей этой склокой с меньшевиками тоску, и весело было слушать, как залихватски затягивала Зверка какого-нибудь «Ваньку» и подхватывал песню высокий лысый рабочий Егор. Он ходил было поговорить по душам с Плехановым — даже воротнички по этому случаю надел,— но ушел он от Плеханова разочарованный, с тяжелым чувством. «Не унывай, Егор, валяй «Ваньку»,— наша возьмет»,— утешала его Зверка. Ильич веселел: эта залихватость, эта бодрость рассеивала его тяжелые настроения» [1].

Иногда на вечерах декламировали стихи Некрасова, Гейне, Беранже.

Часто на прогулках или сидя за вечерним чаем Владимир Ильич любил поговорить о литературе, о его любимых писателях Щедрине, Некрасове, Чернышевском, особенно о последнем. Чернышевского Ленин считал не только выдающимся революционером, великим ученым, передовым мыслителем, но и крупным художником, создавшим непревзойденные образы настоящих революционеров, мужественных, бесстрашных борцов типа Рахметова.

— Вот это настоящая литература, которая учит, ведет, вдохновляет. Я роман «Что делать?» перечитал за одно лето раз пять,

[1] *Н. К. Крупская.* Воспоминания о Ленине. М., Политиздат, 1968, стр. 89.— *Ред.*

находя каждый раз в этом произведении все новые волнующие мысли,— говорил Ленин.

Идейную направленность в художественных произведениях Ленин ставил выше всего, и потому он так ценил и любил Некрасова, которого почти всего знал наизусть. Как-то он спросил меня, знаю ли я наизусть поэму «Русские женщины». Я ответила: знаю, но никогда не могу прочитать ее вслух, душат слезы.

— Вот в этом и сила художника,— сказал Ленин,— берет за живое.

Иногда после музыкальных вечеров шли провожать гостей (я тогда жила в семье Ленина) и возвращались домой притихшие, усталые и несколько грустные. Будоражили что-то в душе эти песни! Говорить не хотелось, каждый думал о своем. Владимир Ильич заканчивал книжку «Шаг вперед, два шага назад» и обычно присаживался к рабочему столу на часок, что-то дописывая и исправляя. Надежда Константиновна ложилась спать, а мы с Елизаветой Васильевной[1] усаживались на скамеечке в садике и шепотком беседовали, чтобы не мешать Владимиру Ильичу. Иногда он спускался к нам на минутку перемолвиться парой слов, а то, посмеявшись над нашей неугомонностью, сверху зашумит, чтобы ложились спать.

---

[1] Мать Н. К. Крупской.— *М. Э.*

Владимир Ильич в этот период борьбы с меньшевиками, между II и III съездом партии, был настроен исключительно оптимистически и воинственно. Это настроение нашло полное отражение в книге «Шаг вперед, два шага назад». Полный уверенности в правоте большевиков, он подверг безжалостной критике оппортунизм меньшевиков, вскрыл их идеологическую несостоятельность, фальшь, противоречия и путаность.

Владимир Ильич весь горел, работая над книгой. Как ясно встает перед глазами весь облик Ленина и вся обстановка борьбы, когда сейчас перечитываешь эту книгу! Читая нам отдельные, особенно удавшиеся ему места, Владимир Ильич весь точно внутренне светился, был такой задорный, живой, яркий.

Замечательная была черта у Ленина — он никогда не давал чувствовать своего превосходства, не давил своим авторитетом, считался с мнением других, видел в каждом товарище равного себе. Оттого так легко было с ним, так радостно и свободно дышалось около него. Он умел внимательно выслушать собеседника, втянуть в спор, заставить высказаться до конца, а если видел, что собеседник не сводит концов с концами, путается в противоречиях, он, добродушно посмеиваясь над зарвавшимся спорщиком, доведшим свою мысль до логического абсурда, направлял его на пра-

вильный путь, не задевая самолюбия, не обескураживая, как делал бы обязательно в таком случае Плеханов. Тот доводил иногда застенчивых людей до желания провалиться сквозь землю. Владимир Ильич никогда не спрашивал, что вы читали, как усвоили прочитанное, а просто беседовал с вами по поводу отдельных вопросов и сразу видел и пробелы, и слабые места, причем и собеседнику становилось ясно, над чем надо ему поработать.

В присутствии Ленина мысль обострялась, хотелось больше знать, думать, читать, учиться и главное — работать. От одной мысли, что Ленин знает о твоей работе, удесятерялись силы.

Владимир Ильич был безгранично внимателен к тем, кто шел в ногу с партией, кто боролся за революционный марксизм, за дело освобождения рабочего класса, за социализм, но был беспощаден к своим политическим противникам, был непреклонен при защите своих принципиальных позиций. Ненависть меньшевиков, их нападки Владимир Ильич принимал как доказательство своей правоты. Эти нападки свидетельствовали о меткости и верности удара, наносимого им противнику. Недаром Ленин любил цитировать стих Некрасова:

Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

Закончив книгу «Шаг вперед...», Ленин отправился в горы на отдых и, вернувшись, с новой энергией, новым приливом сил взялся за дело восстановления партии, создания большевистского органа, подготовки к III съезду партии.

Много рассказывала мне Елизавета Васильевна о жизни Ленина и Надежды Константиновны в ссылке. Еще больше я слышала о Владимире Ильиче от Анны Ильиничны, с которой я встречалась на подпольной работе в конце 90-х годов. Помню, как изумила она меня и рассмешила, рассказав, что Ленин, узнав в тюрьме на свидании о том, что его дело будет скоро разрешено, воскликнул: «Рано! Я не успел еще материал весь собрать» [1].

В 1903 году я познакомилась со всей семьей Ульяновых. Что это была за изумительная семья! Связанная огромной любовью друг к другу, общностью интересов, подчинившая раз и навсегда свою жизнь, свои интересы делу партии, делу революции, это была настоящая семья, какой она рисовалась нам в далеком будущем. Любовь Владимира Ильича к семье, нежная забота о матери подчеркивали исключительную связь этой семьи, которая никогда

---

[1] В начале января 1896 года, находясь в петербургской тюрьме (в Доме предварительного заключения), В. И. Ленин приступил к подготовке книги «Развитие капитализма в России».— *М. Э.*

не прерывалась и проходит через всю жизнь Ленина. Когда я впервые попала к Ульяновым, я поняла, сколько радостей может дать такая семья, сколько счастья в этих заботах друг о друге, в этом взаимном понимании, любви и дружбе.

Мать Ульяновых, Марию Александровну, все мы полюбили с первой встречи. До сих пор стоит перед глазами ее милое, ясное лицо с такими молодыми, блестящими, бесконечно добрыми глазами. Только узнав Марию Александровну, я поняла секрет обаяния Владимира Ильича. Забота о людях проявлялась в Марии Александровне и всей семье Ульяновых с исключительной силой. Сколько горя пало на плечи этой женщины, и с каким мужеством она его переносила! Трудно было выразить Марии Александровне сочувствие — она никогда не жаловалась, никогда не говорила о том, что ей трудно. Владимир Ильич понимал, как тяжело она переживала и казнь старшего сына Александра, и смерть дочери Ольги, как страдала от постоянных арестов других своих детей. Страдала, но никогда не протестовала, никогда не останавливала их. Мария Александровна жила интересами детей не только в обычном житейском смысле — она была их товарищем и другом и мужественно несла все тяготы.

Я приехала в Женеву вскоре после ареста Анны Ильиничны, Марии Ильиничны и

Дмитрия Ильича. Владимир Ильич подробно расспрашивал о матери, и столько сдержанного горя и скорби было в его глазах, когда он говорил об ее одиночестве и беспокойстве! Анна Ильинична не раз говорила, что Владимир Ильич настаивал, чтобы кто-нибудь был постоянно при матери, и что эта роль падала обычно на нее.

Перед отъездом из Киева я забегала несколько раз к Марии Александровне: она вся отдалась заботам о том, чтобы улучшить тюремную жизнь детей, и целыми днями простаивала у ворот Лукьяновской тюрьмы с передачами для них. Невозможно было забыть ее измученного лица, печальных, скорбных глаз, усталого вида, когда она возвращалась из тюрьмы.

Хочется отметить одну особенность Владимира Ильича. Он еле переносил посещение музеев и выставок. Он любил живую толпу, живую речь, песню, любил ощущать себя в массе.

Неутомим бывал Ленин на прогулках. Одна прогулка мне особенно запомнилась. Это было весной 1904 года. Я должна была уже вернуться в Россию, и мы решили на прощанье «кутнуть» — совершить совместную прогулку в горы. Отправились Владимир Ильич, Надежда Константиновна и я. Доехали на пароходе до Монтрё. Побывали в мрачном Шильонском замке — в темнице Бонивара, так красочно описан-

ном Байроном («На лоне вод стоит Шильон...»). Видели столб, к которому был прикован Бонивар, и надпись, сделанную Байроном.

Из мрачного склепа вышли и сразу ослепли от яркого солнца и буйной, ликующей природы. Захотелось движения. Решили подняться на одну из снежных вершин. Сначала подъем был легок и приятен, но чем дальше, тем дорога становилась труднее. Было решено, что Надежда Константиновна останется ждать нас в гостинице.

Чтобы скорее добраться, мы свернули с дороги и пошли напролом. С каждым шагом труднее карабкаться. Владимир Ильич шагал бодро и уверенно, посмеиваясь над моими усилиями не отстать. Через некоторое время я уже ползу на четвереньках, держась руками за снег, который тает в руках, но не отстаю от Владимира Ильича.

Наконец добрались. Ландшафт беспредельный, неописуема игра красок. Перед нами, как на ладони, все пояса, все климаты. Нестерпимо ярко сияет снег; несколько ниже — растения севера, а дальше — сочные альпийские луга и буйная растительность юга. Я настраиваюсь на высокий стиль и уже готова начать декламировать Шекспира, Байрона. Смотрю на Владимира Ильича: он сидит, крепко задумавшись, и вдруг выпаливает: «А здорово гадят мень-

шевики!..» Отправляясь на прогулку, мы условились не говорить о меньшевиках, чтобы «не портить пейзажа». И Владимир Ильич шел, был весел и жизнерадостен, очевидно, выбросил из головы всех меньшевиков и бундовцев, но вот он на минутку присел, и мысль заработала в обычном порядке.

Из этой прогулки удержалась в памяти еще одна трогательная подробность. Мы наткнулись на целое поле цветов. Владимир Ильич стал энергично собирать цветы для Надежды Константиновны. «Надюша любит цветы»,— сказал он и с юношеской ловкостью и быстротой моментально собрал целую охапку цветов.

Больше всего трогало меня в Ленине его какое-то поразительное внимание, которым он окружал своих близких. Особенно внимателен он был к Надежде Константиновне и ее матери, с которой у него была большая дружба.

Слаженность жизни, сходство вкусов Владимира Ильича и Надежды Константиновны были исключительны. Меня вначале изумляла их обстановка. В то время как в Женеве все жили на европейский лад, в хороших комнатах, спали на пружинных матрацах, так как комнаты и жизнь были в Женеве сравнительно дешевы, Ленин жил в доме, напоминавшем дом русского заштатного города. Внизу помещалась кухня, она же и столовая, очень чистая и оп-

рятная, но почти лишенная мебели, сбоку — небольшая комната, где жила мать Надежды Константиновны, и наверху — спальня, она же рабочая комната Ильича: две простые узкие кровати, несколько стульев, по стенам полки с книгами и большой стол, заваленный книгами и газетами. Мне вначале показалась серой эта обстановка, но, побыв там раз, другой, не хотелось уходить, так просто и уютно там чувствовалось, ничто не стесняло. Эта простота обстановки особенно хорошо действовала на рабочих. Все чувствовали себя как дома.

Владимир Ильич не был аскетом: он любил жизнь во всей ее многогранности, но внешняя обстановка, еда, одежда и пр. не играли никакой роли в его жизни. Тут не было лишений, сознательного отказа, а просто не было в этом потребности. Не помню, чтобы когда-либо, даже шутя, говорилось о вкусном блюде, чтобы придавалось значение платью. Пили, ели, одевались, но эта сторона жизни ничьего внимания не приковывала.

Обычная дневная обстановка такова. Владимир Ильич сидит, углубленный в работу, или уходит работать в библиотеку. Надежда Константиновна разбирает корреспонденцию или шифрует письма, мать возится с несложным хозяйством, на которое все же тратится много забот и труда. Вспоминая эту прекрасную женщину,

понимаешь, как много облегчения и уюта внесла она в жизнь Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Она не расставалась с ними всю жизнь. Вместе с ними была в ссылке, в эмиграции, в 1905 году приехала вместе в Россию и вновь эмигрировала. Владимир Ильич относился к ней с нежной заботливостью.

Получив задание вести подготовку к III съезду партии, я, ободренная новыми перспективами и освеженная отдыхом, поехала в Россию. Мне не повезло. Я на границе была арестована. В тюрьме я получила письма от Ленина и Крупской, из которых узнала о положении дел в партии, о начавшемся подъеме.

Вот письмо от 24 декабря 1904 года:

«Дорогая зверушка! Давно собираюсь написать Вам, да мешает сутолока. У нас теперь подъем духа и заняты все страшно: вчера вышло объявление об издании нашей газеты «Вперед». Все большинство ликует и ободрено, как никогда. Наконец-то порвали эту поганую склоку и заработаем дружно вместе с теми, кто хочет работать, а не скандалить! Группа литераторов подобралась хорошая, есть свежие силы, деньжонок мало, но вскоре должны быть. Центральный Комитет, предавший нас, потерял всякий кредит, кооптировал (подло — тайком) меньшевиков и мечется в борьбе против съезда. Комитеты большинства объединяются, выбрали уже бюро, и теперь орган

объединит их вполне. Ура! Не падайте духом, теперь мы все оживаем и оживем. Так или иначе, немножко раньше или немножко позже надеемся непременно и Вас увидеть. Черкните о своем здоровье и, главное, будьте бодры; помните, что мы с Вами еще не так стары,— все еще впереди. Крепко обнимаю.

Ваш *Ленин*»[1].

После такого письма пребывание в тюрьме стало особенно невыносимым. Мучительно потянуло на волю, на работу. А события развертывались с каждым днем, и вести о них проникали в стены тюрьмы, волнуя и выбивая нас из колеи. Наступили и прошли знаменитые январские дни 1905 года. Мы ночами не спали, ожидая развертывания революции и мечтая о том, как раскроются тюремные двери и нас освободит восставший народ. Увы, двери тюрьмы раскрывались, но пока лишь для новых пришельцев. Однако тюремный режим был сломлен и нарушен. Тюрьма гудела, и мы узнавали все более волновавшие нас новости.

Наши дела спешно рассматривались, и в мае 1905 года я была приговорена к 5 годам ссылки на крайний север Архангельской губернии. Мне удалось бежать с

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 429.— *Ред.*

дороги, и в сентябре я вернулась в Питер и приступила к работе.

В Петербург я мчалась как на крыльях, боясь запоздать к событиям, которые мне представлялись в виде подготовки к вооруженному восстанию, к активному осуществлению лозунгов Ленина. Застала же иную обстановку. Богданов, Красин и некоторые другие члены ЦК считали эти лозунги преждевременными, реально неосуществимыми и всячески урезывали их. Богданов утверждал, что события будут скорей благоприятствовать осуществлению меньшевистских идей и что-де нам, большевикам, надо стараться сохранить лишь идейную цельность и сплоченность. Товарищи, члены Петербургского комитета, поручили мне написать Ленину, обрисовать создавшееся положение и просить дать указания, как действовать, заверив его, что Петербургский комитет целиком стоит на его линии, полностью присоединяется к лозунгам «Пролетария» и осуждает урезанные лозунги ЦК. На мое письмо я получила ответ Ленина от 26 октября. Он писал: «Насчет дел в партии, мне кажется, Вы немного преувеличиваете в пессимизме. Сужу по здешнему. Я постоянно слышу здесь от «периферии», что «Пролетарий» явно приходит в упадок, что дела идут из рук вон плохо, газета опускается и пр. и пр. Страшен сон, да милостив бог. С таким гигантским движением, как теперь, ни единому

ЦК в мире при нелегальной партии не удовлетворить и $^{1}/_{1000}$ доли запросов. И что наши лозунги, лозунги «Пролетария», не остаются гласом вопиющего в пустыне — это мы видим ясно даже из легальных газет, сообщающих о митингах в 10—15 тысяч человек в Университете и т. д. Хорошая у нас в России революция, ей-богу! Надеемся скоро вернуться — к этому идет дело с поразительной быстротой». О времени вооруженного восстания Владимир Ильич замечал: «Кто возьмется его определить? Я бы лично охотно оттянул его до весны и до возвращения маньчжурской армии, я склонен думать, что нам вообще выгодно оттянуть его. Но ведь нас все равно не спрашивают. Возьмите теперешнюю грандиозную стачку».

Письмо заканчивалось словами:

«...вообще значение заграницы теперь *ежечасно* падает, и это неминуемо. Конечно, мы ни в каком случае не бросим «Пролетария», пока не удастся печатать его в Питере на Невском. Но на легальную газету теперь тоже надо обратить много внимания. Загранице уже приходится частью закрывать лавочку (пропагандистская литература),— скоро закроем совсем и откроем в Питере.

В подготовке восстания я бы советовал проповедовать тотчас везде, самым широким образом, образование *массы*, сотен и тысяч *автономных* боевых отрядов, очень

маленьких (от *трех* человек), которые бы сами вооружались кто чем может и готовились всячески. Момент восстания я бы, повторяю, *охотно оттянул* до весны, но конечно, мне издали судить трудно.

Крепко жму руку. Ваш *Н. Ленин*»[1].

Первая легальная большевистская газета «Новая жизнь» вышла в Петербурге 9 ноября, т. е. через две недели после написания Владимиром Ильичем этих строк. Из цитированного письма и из письма в ЦК, написанного Лениным на следующий день, явно следует, что Владимир Ильич обладал уже сведениями из Петербурга о налаженном издании легальной газеты.

Но пока шли письма, события нарастали. Многое изменилось, и отпал ряд опасений, высказанных в моем письме.

Мы ждали с огромным нетерпением приезда Ленина. Наконец он приехал и в тот же день пришел на заседание Петербургского комитета. Он сразу понял и нашу горячность, наше революционное настроение, готовность к борьбе, но сразу увидел и нашу неопытность, неумение по-настоящему организовать работу, осудил нашу заседа-

---

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 100—101.— *Ред.*

тельскую суету и здорово выругал нас за то, что во главе Совета рабочих депутатов стали меньшевики. Наша борьба за Советы с приездом Ленина развернулась с большой активностью.

Владимир Ильич подробно расспрашивал о нашей работе, о связях в рабочих районах, о запросах рабочих, о борьбе нашей с меньшевиками и эсерами. Детально знакомился с тем, как идет вооружение рабочих и подготовка боевых дружин. Расспрашивал о всех деталях и характере этой работы, стараясь не упустить ни одной подробности, давая советы, указания. Спрашивал, умеем ли мы сами стрелять, тренируемся ли. Был озабочен вопросом вооружения рабочих настоящим оружием, предлагал взять на учет все арсеналы, оружейные магазины, интересовался, изготовляются ли и как бомбы. Особое внимание уделял он работе большевиков в армии, предлагая выделять на нее наиболее подготовленных товарищей. Не меньшее значение Владимир Ильич придавал работе среди крестьян. Была создана комиссия для работы в деревне. Мы посылали агитаторов в деревни для завязывания связей с крестьянами.

Вспоминаю выступление Ленина на заседании Исполнительного комитета Петербургского Совета рабочих депутатов 13 (26) ноября 1905 года. Это было в день, когда правительство объявило локаут и сто

тысяч рабочих Петербурга оказались выброшенными на улицу.

Как жалки были выступления по этому поводу Троцкого, Мартова и других лидеров меньшевиков! Какая растерянность, какое ничтожное содержание пустозвонной речи Балалайкина-Троцкого, прятавшего свое бессилие за громкими бессодержательными фразами! Какое капитулянтское настроение! Троцкий предлагал вступить в переговоры с военным министром и предпринимателями об условиях открытия заводов.

И вот выступил Ленин. Весь зал насторожился и притих. Повеяло настоящим воздухом революции, будто раздвинулись тесные стены зала заседания и перед нашими глазами развернулся безбрежный мир огромных революционных перспектив. Повеяло воздухом Коммуны.

Ленин вскрыл политическое содержание тактики правительства, которое локаутом стремилось нанести решающий удар революции, рабочему классу. Правительство, говорил Ленин, надеется сломить дух рабочих угрозой голода, смирить его или вызвать на немедленное выступление и раздавить силой оружия. Ленин предлагал не уступать, но и не поддаваться на провокацию, не принимать боя в невыгодных условиях, а начать усиленную подготовку к объединению всех революционных сил. Ленин говорил, что надо не просить, не дого-

вариваться, а требовать открытия заводов и в случае отказа призвать всех к всеобщей забастовке и другим решительным мерам борьбы. Ленин предлагал готовить силы для всеобщего наступления и принять бой, когда он будет выгоден революции, восставшему народу, а не правительству. Для осуществления же плана подготовки восстания — немедленно связаться с рабочими других городов, с железнодорожным, почтово-телеграфным, крестьянским и другими союзами, с армией и флотом.

Выступление Ленина, его насыщенная революционным энтузиазмом речь наэлектризовала весь зал, а когда он развернул перед слушателями четкий, ясный план и программу действий дальнейшего развития революции, в зале пронесся гул одобрений, переросший в бурную овацию.

Предложенная Лениным резолюция была принята единодушно под несмолкаемый гром аплодисментов, под восторженные крики собравшихся.

— Да,— говорили рабочие, расходясь,— вот этот знает, что надо делать, как вести рабочий класс. А эти брехуны — Хрусталев, Чернов, Троцкий,— им бы только болтать да красоваться, а толку от них никакого, один вред.

Никогда не забыть выражения лиц рабочих, слушающих Ленина. На лицах радостный восторг, который охватывает всех

и роднит с Лениным аудиторию. Незнакомый угрюмый товарищ, стоящий рядом с тобой, вдруг весь меняется, лицо расплывается в радостную улыбку, глаза загораются, и видишь рядом с собой похорошевшее и помолодевшее лицо, преображенное до неузнаваемости; угрюмый человек становится вдруг общительным, делится своим восторгом, загорается пафосом борьбы, точно частица гениальности Ленина передалась и ему.

Рабочие, послушав Ленина, переходили навсегда в наши ряды. Помню, как один рабочий корил меня: «Эх вы, научились бы, как Ленин, объяснять свою програму,— небось, ни одного рабочего не одурачили бы меньшевики. Ведь вот как все у него ладно и правильно выходит!»

Научиться говорить, как Ленин, быть, как Ленин,— это была страстная мечта всех большевиков.

Владимира Ильича рвали на части, все большевики хотели его видеть, слушать, говорить с ним, получать указания.

Нам, знавшим его по периоду II съезда партии и борьбы с меньшевиками после II съезда, удавалось встречаться с ним и обсуждать волнующие нас вопросы. Конечно, и речи не было, чтобы встречаться так, как в Женеве, но все же не только на собраниях удавалось видеться с Владимиром Ильичем. Забежишь, бывало, утром условиться, скажем, об его очередном вы-

ступлении или о партийном собрании и, конечно, используешь это посещение, чтобы поговорить вообще. Если Ленин не был чрезмерно занят, он довольно охотно, запросто беседовал с нами, и эти беседы заряжали нас новым приливом энергии и энтузиазма. Признаться, довольно частенько мы злоупотребляли своей близостью и бегали к нему даже тогда, когда это и не представлялось крайне необходимым. Но чувствовалось, что это ему не было в тягость. Я не помню ни одного недовольного выражения или досадливого жеста Владимира Ильича. Впрочем, этого и не нужно было: он умел как-то погружаться в свои мысли, отходить от беседы, и собеседник тут же чувствовал, что надо стушеваться.

Ленин сразу отрывался от беседы, задумывался и, очевидно, прежде чем приступить к разработке охватившей его идеи, мысленно набрасывал основные ее положения. Надежда Константиновна в своих воспоминаниях рассказывает, как Ленин шепотком, прежде чем засесть за работу, на ходу излагал свои мысли. При нас, посторонних, он этого не делал, но как-то сосредоточивался и отходил от нас. Это всегда было так заметно, что не нужно было никакого напоминания, чтобы раскланяться, причем Ленин прощался уже рассеянно, точно не видя тебя. Надежда Константиновна, зная эту черту Ленина, спра-

шивала иногда, не обижаются ли на это товарищи. Обижаться! Такого понятия вообще не существовало. Мы любили Ленина, с восторгом ловили каждое его слово, каждый готов был умереть за него.

Хотя разногласия с меньшевиками со времени II съезда усилились, все же вопрос об объединении с ними стал в порядок дня. Владимир Ильич не возражал против объединения, хотя лучше всех нас понимал, насколько оно непрочно.

Объединение началось в районах раньше, чем его решили в центре. Помню, както утром мы были у Дяденьки (Лидии Михайловны Книпович, в то время бывшей секретарем Петербургского комитета партии) и говорили с Владимиром Ильичем о слиянии. Лидия Михайловна была твердокаменной большевичкой и слышать не хотела о том, чтобы можно было поднимать вопрос о слиянии без решения съезда.

— Да как же устраивать съезд, когда сейчас железнодорожная забастовка! — кричу я ей истошным голосом (она была глуховата).

— Все равно не имеете права, ждите съезда.

— Да какой вам съезд, когда государство рушится, троны трещат! — кричу я во все горло.

Владимир Ильич слушает, как мы петушимся, и хохочет.

Ленин не пропускал почти ни одного

собрания Петербургского комитета и требовал от каждого из нас подробного отчета о проделанной работе, подвергая критике всякое упущение или неверно понятое решение партии.

Как-то я пожаловалась на то, что жены рабочих не всегда ласково встречают нас, а порой откровенно дают понять, что наши визиты им не по душе. Ленин так и вскипел и стал настойчиво расспрашивать, как мы себя ведем, когда приходим в семью рабочего. Пришлось признаться, что мы мало обращаем внимания на быт и обстановку домашней жизни рабочего, выказываем иногда нетерпение, если дети поднимают шум и мешают нашей беседе; что жены иногда начинают ворчать насчет незваных гостей и что рабочие теряются и конфузливо предлагают не обращать внимания на бабьи глупости. Ох, и досталось же нам от Ленина...

— Да я бы на месте этих жен вытурил бы вас из квартиры! Да подумали ли вы о том, как тяжела жизнь женщин, обремененных работой на заводе, домашними делами, возней с детьми и беспокойством о судьбе мужа, если он попадет в тюрьму? Ведь надо все это понять по-настоящему и найти нужные слова и поступки, чтобы расположить к себе этих женщин, обремененных трудом, заботой о семье, живущих в тяжелой нужде и вечном страхе за мужа, пошедшего в революцию!

Мы поняли, что в квартиру рабочих должны входить не с пренебрежительной миной или равнодушным лицом, а с вниманием и уважением к их жизни и показать не на словах, а на деле нашу готовность быть полезными.

— Приходило ли вам в голову,— говорил Ленин,— предложить свои услуги, если вы видите, как они мечутся между кормежкой детей, стиркой белья и другими домашними делами, не успевая сами ни поесть, ни присесть на минутку, чтобы перевести дух?

На всю жизнь запомнились нам эти слова Ленина. Мы изменили свое поведение, нашли дорогу к сердцам работниц, и несколько времени спустя мы уже рука об руку с ними и их мужьями дружно шагали в рядах демонстрантов, неся революционные знамена, вышитые их умелыми и трудолюбивыми руками.

Ленин пробуждал в нас не просто добрые чувства, но политическое сознание, т. е. именно то, без чего бесплодна политическая деятельность.

Летом 1906 года, после разгона I Государственной думы, я была послана Московским комитетом (я уже работала в Москве) за директивами к Ленину, который жил тогда в Финляндии, на станции Куоккала на какой-то нелепой даче, носившей название «Ваза» и походившей на узкий и длинный чердак. Я подробно рассказала

Ленину о московских настроениях после разгрома декабрьского восстания, об упадочных настроениях среди интеллигенции и даже некоторой части рабочих, о том, что революция, видимо, идет на убыль, что реакция поднимает голову, начинаются репрессии, что понемногу вся работа суживается.

Владимир Ильич слушал внимательно и, мне показалось, как-то недовольно и отчужденно.

— Ну что же,— сказал он,— если это и так, то я буду последним, который об этом скажет. Пока идет борьба, а она идет, что бы вы там ни говорили, надо не ныть, а действовать.

Даже после разгрома вооруженного восстания в Москве Ленин не считал еще, что революция разбита. Он видел, что пролетариат не желает складывать оружия, что крестьянство продолжает борьбу, что в армии и флоте неспокойно, а главное — он был твердо убежден, что всколыхнувшая всю страну революция не утихнет, не может утихнуть. Владимир Ильич был полон новыми планами, готовился к очередному съезду партии, кипел энергией. Его не обескуражило временное поражение. Он предлагал извлечь из этого урок для дальнейшего наступления.

Ленин всегда был полон глубокой веры в творческие силы революционного рабочего класса. В 1911 году я видела его в

Женеве. Он выступал с докладом, и меня изумил бодрый и, я бы сказала, вещий тон доклада. В то время как иные из нас переживали настроение сумерек, считая, что реакция укрепилась надолго, Ленин утверждал, что близок новый подъем, что рабочий класс сейчас более созрел для революции, чем в 1905 году, что крестьянство поняло необходимость совместных действий с пролетариатом, учло неорганизованность и разрозненность своих выступлений, что правительство и правящие классы не в силах разрешить ни одного вопроса, что объективные и субъективные предпосылки для революции налицо и что она неизбежна и успех ее обеспечен, ибо партия, рабочий класс и крестьянство не повторят ошибок 1905 года, а извлекут из этих ошибок надлежащий урок.

Это выступление Ленина тогда произвело на всех нас потрясающее впечатление. Он, точно сказочный богатырь, приложил ухо к земле и услышал подземные гулы революции. Все чувствовали, что он говорит это не для того, чтобы поднять настроение слушателей, а именно потому, что он сам глубоко убежден в том, что революция близка и что налицо имеются все предпосылки для ее осуществления. И он привел в своем докладе ряд фактов, свидетельствующих о том, что рабочий класс борется, что число стачечников увеличивается с каждым годом и что назревают со-

бытия, которые покажут силу и мощь рабочего класса, его политическую зрелость и волю к борьбе.

Эта его речь вспомнилась особенно сильно в 1912 году, когда после ленских событий по всей стране прокатилась волна рабочих забастовок и демонстраций, когда в ответ на ленские расстрелы рабочий класс заявил о своей солидарности, о своей готовности продолжать борьбу. Последующие события подтвердили полностью вещие слова Ленина о том, что рабочий класс созрел для революции и что революция близка.

Теперь, когда о Ленине знает весь мир, когда вокруг его имени слагаются легенды, всем хочется проникнуть в его внутренний мир, понять, откуда эта гениальная прозорливость, эта могучая воля, эта титаническая сила.

«Из глухих деревень Индии,— писал Горький,— проходя сотни верст по горным тропинкам и лесам, тайком, рискуя жизнью, пробираются в Кабул, в русскую миссию, индусы, замученные вековым гнетом английских чиновников, приходят и спрашивают:

— Что такое Ленин?»

Сердце Владимира Ильича «билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным. Никогда этого он не говорил сам...» — сказала Надежда Константиновна на II съезде Советов СССР. Этими

словами охарактеризован весь духовный облик Ленина. Никогда никто не слышал от Ленина слов о его любви к народу, но все знали и чувствовали эту горячую любовь, понимали, что сердце Ленина бьется в такт с сердцами миллионов людей.

Эссен М. М.

Э86 Встречи с Лениным. М., Политиздат, 1971.

46 с.

М. М. Эссен (1872—1956 гг.) — профессиональная революционерка. Она хорошо знала семью Ульяновых.

Член ЦК и Петербургского комитета М. М. Эссен по заданию Владимира Ильича осуществляла связь с большевистскими комитетами в России. Она рассказывает о борьбе В. И. Ленина за созыв II съезда партии и создание большевистской партии, о том, как, приехав в 1905 г. в Петербург, В. И. Ленин возглавил дело подготовки вооруженного восстания в стране.

Образ Владимира Ильича — вождя, трибуна, человека нарисован в воспоминаниях опытной журналистки М. М. Эссен убедительно и ярко.

1—1—3

97—71 3К26.3

Эссен Мария Моисеевна
ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

Редактор *Л. С. Орлова*

Художественный редактор *Н. Н. Симагин*

Техиическнй редактор *Л. К. Уланова*

Корректоры *Савелова Г. В., Шалина Г. П.*

Сдаио в иабор 21 октября 1970 г. Подписано в печать 4 декабря 1970 г. Формат 70×90$^{1}/_{32}$. Бумага тнпографская № 1. Условн. печ. л. 1,75. Учетио-изд л. 1,37. Тнраж 150 тыс. экз. А08884. Заказ № 3914. Цена 5 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Набрано и сматрнцнровано в ордена Ленина типографни «Красный пролетарнй». Москва, Краснопролетарская, 16.

Отпечатаио с матриц в тнпографин издательства «Звезда», г. Пермь, ул. Дружбы, 34. Заказ № 876.

39

5 коп.

